АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ТРУДЫ ОТДЕЛА ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИНСТИТУТА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ · XV

С. Л. ПЕШТИЧ

«Синопсис» как историческое произведение

Воссоединение Украины с Россией породило обширную историческую литературу.

Середина XVII в. явилась переломным моментом в развитии историографии в России. В борьбе за воссоединение Украины с Россией украинские и русские историки стремились исторически обосновать необходимость воссоединения двух великих славянских народов. В этом отношении примечателен ряд выдающихся произведений XVII столетия: Густынская летопись, «Хроника» Софоновича, первая печатная книга по отечественной истории «Синопсис», «Летопись Самовидца» и некоторые другие. Первые три из них относятся к 50—70-ым годам XVII в. Близость между ними давно установлена и, добавим от себя, значительно преувеличена. Так, было отмечено, что Густынской летописью пользовался автор «Синопсиса», который в свою очередь «почти целиком списан» с «Хроники» Софоновича. Так же была переоценена зависимость этих произведений от польских хронистов.

* *
*

Уже сам факт появления первой печатной книги по истории России в числе немногих книг светского содержания во второй половине XVII в. свидетельствует о серьезной роли исторических знаний в общественной жизни страны.

«Синопсис», выдержавший только в XVII—XVIII вв. около полутора десятков изданий, был самой распространенной и популярной книгой по истории России на протяжении целого века.[1] «Синопсис» был составлен в Киеве в самом начале 70-х годов XVII в. и издан там же в 1674 г., а может быть, и раньше.[2] В записке об условиях переговоров с Польшей 1671 г., возможно принадлежащей самому Иннокентию Гизелю, между прочим сказано: «О чем и Синопсис книжку читать, которая книжка послана есть до пана Артемона Серьгеевича, думнаго дьяка прежде».[3] Научный

[1] Подробный подсчет изданий «Синопсиса» см.: А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк развития русской историографии. — Русский исторический журнал, кн. 6, 1920, стр. 26; С. И. Маслов. К истории издания киевского «Синопсиса». — Сб. статей в честь акад. А. И. Соболевского. Изд. АН СССР, Л., 1928, стр. 341—346.

[2] А. С. Лаппо-Данилевский первым изданием считает издание 1674 г. Такой же датировки придерживается И. П. Еремин (К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в. — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, стр. 212). Между тем есть указание на издания 1670 и 1672 гг. (см.: А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк развития русской историографии, стр. 25, примечание); автор статьи о «Типографии Киево-Печерской лавры» в числе редких книг ее ссылается на издание 1672 г. «Синопсиса» Иннокентия Гизеля (Труды Киевской духовной академии, т. 2, 1865, стр. 87).

[3] Труды Киевской духовной академии, стр. 362.

интерес сообщения заключается не только в указании на возможность существования более раннего издания «Синопсиса». Этот документ неопровержимо свидетельствует о том, что «Синопсис» был послан в Москву в иноземный приказ к одному из видных руководителей внешней политики России — Артамону Матвееву. Первая печатная книга по русской истории предназначалась для сравнительно широкого круга читателей всей России, имела большое политическое и дипломатическое значение и, естественно, не могла выйти в свет без одобрения русского правительства.

Вопрос об авторе «Синопсиса», пожалуй, не точно будет сказать не решен, а скорее запутан. В историографии долгое время господствовало представление об авторстве Иннокентия Гизеля. Но в свое время, после сомнений, высказанных некоторыми историками, А. С. Лаппо-Данилевский решительно отвергнул его на том основании, что если бы Иннокентий Гизель — человек высокой культуры — был автором «Синопсиса», то он «счел бы нужным подвергнуть его более наукообразной переработке и придать ему более литературную форму».[4] Но с этим утверждением согласиться нельзя. Общественно-политические взгляды Иннокентия Гизеля изучены настолько, что даже в той небольшой подборке материала, сделанной А. С. Лаппо-Данилевским, мы можем найти совпадение точек зрения «Синопсиса» и Гизеля по важнейшим вопросам русско-украинских отношений и связей. Центром древнерусской истории в представлении автора «Синопсиса» был Киев. Главное внимание при описании столицы древней Руси он уделял церковным событиям, в первую очередь связанным с Киево-Печерской лаврой.[5] Зная значение этого древнейшего монастыря в русско-украинских отношениях в XVII в. и роль его архимандрита в дипломатических связях Украины с Россией, приходится вернуться к старой точке зрения и признать Иннокентия Гизеля автором «Синопсиса». Правда, авторство в XVII в. нельзя понимать по-современному. Гизель во многом был не столько автором, сколько редактором, но его редакционная работа была столь велика и обширна, как легко убедиться, что выходила за рамки обычного редактирования, поэтому, думается, Гизеля нельзя не признать автором «Синопсиса».

«Синопсис» издавался в годы борьбы за воссоединение Украины с Россией и отпора турецко-крымской агрессии. Его окончательный текст сложился не сразу. Второе издание (1678 г.) дополнено статьей «О первом бесурманском приходе под Чигирин» в 1677 г. Третье издание (1680 г.) было значительно расширено. Его объем по сравнению с первым изданием увеличился почти вдвое. В него, как правило, дополнительно включались статьи, политическая цель и патриотическое содержание которых не вызывали сомнений. Кроме рассказа «О втором бесурманском приходе под Чигирин» в 1678 г. и «О приходе множественных сил царских и войск запорожских к Киеву» в 1679 г., в третьем издании «Синопсиса» автор или редактор (?) решил «на вечную память грядущим родам напечатати» «достославную» повесть о Мамаевом побоище.

Впервые в этом третьем издании встречаем статьи «О свободе или вольности славянской», местное киевское предание («Повесть от старых

---

[4] А. С. Лаппо-Данилевский. Очерк развития русской историографии, стр. 23.

[5] См. интересную «Повесть от старых людей» о происхождении Выдубицкого монасыря («Синопсис». Изд. Акад. наук, 1810, стр. 76—77), объяснение названия «Хрещатик» (стр. 71), молитва в честь Владимира I (стр. 84—86), пространные рассуждения о заботах, дарах и пожалованиях Святополка Изяславича, княгини Анастасии и Андрея Боголюбского церквам и Киево-Печерскому монастырю (стр. 97, 112 и 114—115), о разорении Печерского монастыря Батыем и о происхождении благовеста в нем (стр. 125 и 127) и многое другое (стр. 202, 210, 211, 234—236 и др.).

людей») о происхождении названия Выдубичи, распространенный текст о борьбе Ярополка Мономаховича с Болеславом Кривоустом, рассказ о гибели Батыя и др.[6]

При ознакомлении с основным текстом (текст первого издания) бросается в глаза следующее. Во-первых, изложение событий фактически доведено только до 1651 г., когда в Киеве воеводой стал, как отметил автор, «благочестивый» Адам Кисель. С этого, читаем в «Синопсисе», началось возвращение былого величия «на первоначальный всея России царственный град Киев».[7] Во-вторых, полное умолчание о национально-освободительной войне украинского народа под руководством Богдана Хмельницкого, имени которого даже не названо. Из всех событий с 1651 г. до начала 70-х годов говорится только об окончательном «возвращении» Киева России, датированном не случайно 1 марта, а не 8 января 1654 г.[8] Возникает вопрос: почему автор довел описание событий только до 1651 г., умолчав о последующих, ничего не сказав об освободительной войне против панов? Это объясняется, по-видимому, в первую очередь внешнеполитической обстановкой — нежеланием ссориться с Польшей во время переговоров 1671—1672 гг. В указанной выше записке об условиях переговоров с Польшей, не предназначавшейся, разумеется для широкого разглашения, в отличие от «Синопсиса», агрессия панской Польши, стремившейся, как говорилось в ней, «искоренить православие, веру, церкви и народы российские», осуждалась с решительной прямотой.[9] В «Синопсисе», рассчитанном на сравнительно широкий круг читателей, не к месту было вспоминать о столь неприятных для польских магнатов событиях, какими было время успешной борьбы украинского народа во главе с Богданом Хмельницким. Личность Адама Киселя, всегда игравшего соглашательскую роль, в этом смысле была более приемлемой и терпимой и той и другой стороной. Умолчание в «Синопсисе» об освободительной борьбе украинского народа и его вожде отражало также, конечно, настроения казацких, помещичьих и церковных верхов Украины. Наконец, сама задача книги — исторически обосновать необходимость воссоединения — решалась на материалах далекого прошлого.

Как известно, что уже не раз отмечалось, исторические события в «Синопсисе» изложены неравномерно; многие известия часто носят случайный характер. Основные события славянорусской истории изложены более или менее последовательно, хотя и сокращенно по сравнению с летописями, только до татаро-монгольского нашествия, точнее до разорения Киева в 1240 г. Затем (с третьего издания) повествование прерывается сказанием о Куликовской битве (вставленным не на место и занимающим $^1/_4$ часть всей книги !), после чего идут события 40-х годов XIII в. и последующие, изложенные более чем конспективно, переходя с 1471 г. — года присоединения Киева к Литве — в простой перечень киевских воевод. Короче говоря, в «Синопсисе» представлена история только древней Руси, центром которой был Киев. Неудивительно, что в старой, дворянской и

---

[6] О новых, дополнительных статьях 2-го и 3-го изданий «Синопсиса» см.: В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 2. Киев, 1908, стр. 1555; И. П. Еремин. К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в., стр. 220—222, но и в первом и во втором случае неполно.

[7] «Синопсис», стр. 204.

[8] 8 января 1654 г. народная рада приняла великий исторический акт о воссоединении Украины с Россией, а 17 марта (в «Синопсисе» опечатка (?)) царское правительство так называемыми «статьями» Богдана Хмельницкого дало согласие на сохранение местных особенностей в административной, военной, правовой и политической жизни Украины (см.: История Украинской ССР, т. 1. Изд. АН УССР, Киев, 1953, стр. 275).

[9] Труды Киевской духовной академии, т. 2, 1865, стр. 362.

буржуазной историографии значение «Синопсиса» недооценивалось. Например, П. Милюков высокомерно отрицал всякое научное значение его.[10] Такая отрицательная точка зрения оказалась, к сожалению, незаслуженно устойчивой. Так, в «Очерках истории исторической науки в СССР» «Синопсис» определяется исключительно как публицистическое произведение, уступающее в историографическом отношении Хронографу и Степенной книге.[11] Только И. П. Еремин высоко оценил «Синопсис» как произведение общественной мысли на Украине второй половины XVII в., не коснувшись, правда, его историографического значения.[12] Между тем оно велико. Значение «Синопсиса» для дальнейшего распространения и развития исторических знаний в России определяется не только большим количеством изданий в XVII и XVIII вв. и распространением его в многочисленных списках, сделанных с книги.[13] Уже через 5 лет после выхода в свет издания 1674 г. оно было использовано составителем списка Хронографа 1679 г. и позднее списка Хронографа конца XVII столетия.[14] Тогда же он был переведен на греческий язык и несколько позднее, по распоряжению Петра I, на латинский — международный язык тогдашней науки.[15] «Синопсисом» пользовались историки Украины Боболинский, Грабянка, Величко и др.[16] В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов и многие другие историки XVIII в. неоднократно обращались к нему.[17] Он давал материал для литературных произведений, народных сказок и лубочных картин.[18] Не случайно Н. И. Новиков считал «Синопсис» одной из любимых книг в мещанской среде.[19] Знали его, как уже говорилось, и дипломаты.[20] Использовал «Синопсис» и составитель истории Болгарии (1762 г.) хиландарский проигумен Паисий.[21]

Популярность «Синопсиса» определялась в значительной мере удачным подбором источников. Не подлежит никакому сомнению, что в основу первой печатной книги по русской истории была положена хорошо известная и широко распространенная «Хроника» Матвея Стрыйковского — «Kronika Polska, Litowska, Zmodzka i wszystkiej Rusi», вышедшая на польском языке в 1582 г.[22] Она уже в XVII в. была переведена на русский язык.[23]

---

[10] П. Милюков. Главные течения русской исторической мысли, т. 1. М., 1898, стр. 10 и 16.

[11] Очерки истории исторической науки в СССР, т. I. Изд. АН СССР, М., 1955, стр. 99—100.

[12] Е. П. Еремин. К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в., стр. 212—222.

[13] См., например: ГПБ, Q.IV.50, 69, 107, 239, 343 и др.

[14] А. Попов. Обзор хронографов русской редакции, в. 2. М., 1869, стр. 209.

[15] И. П. Еремин. К истории общественной мысли на Украине второй половины XVII в., стр. 212.

[16] В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 2, стр. 1574, 1590 и 1611.

[17] В. Н. Татищев. История Российская..., кн. 1. М., 1768, стр. XI; М. В. Ломоносов, Полное собрание сочинений, т. 6, Изд. АН СССР, М.—Л., 1952, стр. 9—10.

[18] С. И. Маслов. К истории издания киевского «Синопсиса», стр. 348.

[19] В. О. Ключевский. Курс русской истории, ч. V. М., 1937, стр. 440.

[20] В одном из экземпляров «Синопсиса» издания 1735 г. читаем интересную рукописную пометку, из которой видно, что он принадлежал копиисту «государственной иностранной коллегии», бывшему в «Персии при полномочном после при кн. М. М. Голицине в 1745 г.» в г. Реште (Библиотека им. М. Горького, ЛГУ, F I, 1192).

[21] В. С. Иконников. Опыт русской историографии, т. II, кн. 1. Киев, 1908, стр. 104.

[22] Пользуемся изданием: Kronika... Macieja Styjkowskiego, t. 1. Warszawa, 1846, (в дальнейшем: Стрыйковский).

[23] А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. — СОРЯС, т. 74, СПб., 1903, стр. 79—80. Что переводчиком текста Стрыйковского, использованного в «Синопсисе», был не Гизель, свидетельствует не всегда

Систематические ссылки на Стрыйковского, сделанные в «Синопсисе», по проверке не оставляют никаких сомнений в этом. Тот факт, что составитель «Синопсиса» предпочел «Хронику» польского автора русским летописям, явился поводом для некоторых великодержавно настроенных историков царской России, не признававших никакой ценности польских хроник, резко отрицательно подойти к оценке «Синопсиса».[24] Но как бы ни относиться к достоверности многих известий, имеющихся только в польских хрониках, но не подтвержденных русскими летописями,[25] нужно признать, что «Хроника» М. Стрыйковского была выдающимся событием в польской и вообще славянской историографии конца XVI в. Матвей Стрыйковский, человек весьма эрудированный и гуманно настроенный к различным народам, хорошо знавший историю польскую, русскую, литовскую, чешскую и отчасти южных славян, умело обобщил труды своих предшественников и создал талантливый и популярный труд по истории Польши, Руси и Литвы. Известный славист прошлого века Иосиф Первольф, отметив недостатки «Хроники» Матвея Стрыйковского, присущие всей историографии позднего средневековья, назвал ее одним из самых замечательных литературных трудов того времени.[26] В новой работе по истории Польши «Хроника» получила высокую оценку за тот богатейший исторический, географический и бытовой материал, который был использован в ней Матвеем Стрыйковским.[27]

Автор «Синопсиса», остановив свой выбор на этой книге по истории Восточной Европы, показал начитанность и умение выбрать нужное. Он с полным основанием мог использовать опыт краткого изложения русской истории, сделанный М. Стрыйковским, так как ставил перед собой такую же задачу: сжато рассказать о важнейших событиях общерусской истории. Что автор преследовал цель краткого изложения истории, свидетельствует одно его замечание, объясняющее причину сокращения в перечне стран и народов Европы (по Ботеру): «неудобь подробну описати; совершенно вкратце».[28]

Использовать готовый и обработанный материал по русской истории польского автора было доступнее, проще, скорее, чем производить самостоятельные разыскания. Это стало возможно только лет через пятьдесят.

высокое качество перевода. Переводчик, как думается, иногда не справлялся с языком оригинала и некоторые слова оставлял без перевода, например польское слово «osada» (поселенец), что сделало текст мало понятным: «...от тех же сарматских и славяноросских осад тойже народ — русский изыде» («Синопсис», стр. 13); в другом месте польское слово «rury» (трубы) также оставлено без перевода: «отъем воду сладкую рурами подземными текущими» (стр. 66; ср.: Стрыйковский, стр. 129). Небрежность того, кто подготовлял материалы для Гизеля, сказалась в повторении статьи 1321 г. (см. там же, стр. 196 и 197).

[24] П. Милюков. Главные течения русской исторической мысли, стр. 9 и др. А. Попов, автор капитальной работы «Обзор хронографов русской редакции», еще резче отнесся к польской исторической литературе, объявив ее влияние на русскую историческую мысль прямо вредным (в. 2, М., 1869, стр. 203).

[25] Пора возобновить изучение польских хронистов, используя современные методы, применяемые советскими историками при изучении русских летописей. Нет никакого сомнения, что польские хроники дадут много ценного и интересного материала, в особенности в области международных отношений государств Восточной Европы. Исследование источниковедческой ценности польских хроник уместно проводить совместными усилиями советских и польских историков.

[26] Иосиф Первольф. Славяне. Их взаимные отношения и связи, т. II. Варшава, 1888, стр. 121—126.

[27] История Польши, т. 1. Изд. АН СССР, М., 1954, стр. 240. «Очерки» называют Стрыйковского видным литовским историком (стр. 125). Правильнее его назвать историком Литвы.

[28] «Синопсис», стр. 10.

Уровень развития исторических знаний в России второй половины XVII в. и предназначение книги для широкого круга читателей определили выбор необходимого руководства.

Если автор «Синопсиса» имел в качестве путеводителя по русской истории Стрыйковского, или, говоря образно, если по правую руку у него неизменно лежала «Хроника» польского автора, то по левую руку у него с такой же постоянностью находились русские летописи. Автор использовал «многие летописцы русские».[29] Ссылки на русские летописи, которые встречаются постоянно, даны в нескольких видах. Например, мало определенные ссылки, которые приводятся на полях и в тексте: «летописцы русские», «в Рос. летописи», «русс. летоп.» и т. д.,[30] или более определенные указанием на древность: «древние летописцы», «писанные древние летописцы русские», «в русских древних летописцах», «в древних харатейных летописцах русских» и т. д.[31] Как видно, автор «Синопсиса», отличая древние летописи, придавал им бо́льшую историческую ценность по сравнению с новыми. «Древние и достоверные летописцы»,[32] писал он, ставя знак равенства между ними, утверждая тем самым достоверность древних источников. Это, разумеется, всецело отвечало представлениям эпохи. Древность летописи сама по себе считалась единственным и надежным критерием достоверности вплоть до XIX в. включительно. Автор «Синопсиса» особо выделяет летопись Нестора, имени которого, кстати, Стрыйковский не знал.[33] Нестора «Синопсис» величает «летописцем Российским», а его труд — «летописью российской», полагая, что Нестор «изряднее свидетельствует», чем многие летописцы.[34]

Из русских летописных источников наибольшее значение для «Синопсиса» имела Густынская летопись. Именно она лежала «по левую руку» от ее автора, как «Хроника» Скрыйковского — «по правую». Сравнивая эту летопись с первой печатной книгой по русской истории, приходим к некоторым наблюдениям и выводам. Ее автор широко использовал список Густынской летописи, известный под шифром Арх. VIII,[35] или не дошедший до нас протограф Густынской летописи. Последнее предположение, быть может, более вероятно, так как летопись была составлена примерно в середине XVII в., а дошла до нас в списке 1670 г.[36] Что основной текст «Синопсиса» и Густынской летописи сложился в середине XVII столетия свидетельствует одна характерная подробность. Нам уже приходилось отмечать предрасположение «Синопсиса» к личности «благочестивого» Адама Киселя, с воеводства которого, в представлении автора «Синопсиса», началось «возрождение Киева». Такое же подобострастное отношение к мастеру соглашательства и политики национальной измены мы находим и в Густынской летописи. В рассказе об осаде Белгорода печенегами автор Густынской летописи счел нужным дополнить его генеалогическими разысканиями о роде крупных украинских феодалов Киселей. Под его пером безымянный старец Повести временных лет превратился в потомка Свенельда и за свою

---

[29] Там же, стр. 20, 198 и др.
[30] Там же, стр. 16, 93, 96, 98, 99, 191 и др.
[31] «Синопсис», стр. 20, 88, 117, 122, 124, 127, 189, 197 и др.
[32] Там же, стр. 16, 93, 96, 98, 99, 191 и др.
[33] Стрыйковский, стр. 115, где «старый летописец», а в «Синопсисе», стр. 27, — Нестор.
[34] «Синопсис», стр. 7, 20, 27.
[35] ПСРЛ, т. 1. СПб., 1843, стр. 232. Об этом свидетельствует совпадение некоторых чтений «Синопсиса» со списком Густынской летописи. Например, в *А*, как и в книге, читается «от Роска» (стр. 236 и 11 соответственно); только в *А* читается имя патриарха Константинопольского — Георгий (стр. 346), как и в «Синопсисе» (стр. 194).
[36] ПСРЛ, т. I, стр. 232—233.

изобретательность киевским князем Владимиром «наречен бысть Кисель», которого «славный во вельможах род и доселе пребывает».[37] Если учесть, что Адам Кисель, наиболее видный представитель этой фамилии, был киевским воеводой с 1651 по начало 1653 г., то можно понять, почему протограф Густынской летописи и основной текст «Синопсиса» так почтительно относились к тому, «казацкие кости которого давно обросли польским мясом», как тогда говорили на Украине.[38] К этому нужно добавить, что Адам Кисель страдал настоящей манией родового величия. Даже московские бояре в официальных документах, по дипломатическим соображениям разумеется, вынуждены были признавать его легендарное родословие и величать Адама Киселя Святольдовичем (Свенольдовичем).[39] Несмотря на то, что авторы указанных произведений должны были, отдавая раболепную дань киевскому воеводе, всячески восхвалять Адама Киселя, Густынская летопись и «Синопсис» не сбились на фамильную хронику, а дали большие исторические полотна, последовательно проводя идею родственности и дружбы Украины с Россией.

Автор «Синопсиса», выбрав из русских летописей в качестве основной Густынскую, не ошибся. Густынская летопись отличается широтой взглядов и значительным кругом использованных источников. Она следит за историей Москвы, Византийской империи, татар и Турции, Литвы и Польши. События с XIII в. в ней изложены полнее, чем в «Синопсисе». Роль Москвы, пусть кратко, но прослежена довольно систематически, хотя главное внимание автор Густанской летописи, естественно, уделяет событиям собственно украинской истории.

Как были использованы «Синопсисом» его основные источники — «Хроника» Матвея Стрыйковского и Густынская летопись?

От начала и до конца книги автор «Синопсиса» старается критически подойти, конечно в меру возможностей, обусловленных уровнем развития исторических знаний и приемов исследования, к своему иностранному руководству и отечественному источнику. Спрашивается: те многочисленные изменения, которые сделаны автором в фактическом изложении событий и в их толковании по сравнению со Стрыйковским и Густынской летописью, настолько ли велики и существенны, чтобы иметь основание считать «Синопсис» произведением уже нелетописным? К какому типу исторических произведений принадлежит «Синопсис» — к старому или новому, т. е. к летописному или нелетописному, составленному по «обычаю летописцев» или по «обычаю историков», т. е., говоря проще, к донаучному или научному?

Как доказывал, исторически обосновывал «Синопсис» необходимость воссоединения Украины с Россией? Забегая вперед, укажем на два главных довода автора «Синопсиса» в этом вопросе: родство «российских народов» (так он называл все славянские народы, входившие в состав древней Руси) и преемственность самодержавной власти в России.

Вначале заметим, сопоставляя последовательно Стрыйковского и Густынскую летопись с «Синопсисом», что почти все ссылки первой печатной

---

[37] ПСРЛ, т. II. СПб., 1843, стр. 260. Ср.: «Синопсис», стр. 56, где сказано почти то же: «Человека же того, иже хитрость сию изобрете, прозваша Кисель». Далее сказано о происхождении Киселя от колена Свенельда, но опущена ссылка на то, что род Киселя здравствует и доныне. Во время печатания «Синопсиса» это уже было не к месту.

[38] Об Адаме Киселе см.: Ив. Новицкий. Адам Кисель, воевода киевский (1580—1653). — Киевская старина, т. XIII, 1885, стр. 51—72, 204—219, 408—430, 612—638.

[39] См., например: Акты, относящиеся к истории южной и западной России, т. III, №№ 124, 128 и 160.

книги по русской истории на иностранные источники (Длугош, Кромер, Гвагнин, Бароний и некоторые другие) взяты из той же «Хроники» польского автора или, в большинстве случаев, из указанной летописи.[40] Это дает возможность остановить внимание только на них для того, чтобы понять, как автор «Синопсиса» пользовался работами своих предшественников для исторического обоснования воссоединения Украины с Россией.

Сказать только то, что в основу «Синопсиса» была положена хроника Стрыйковского, как это обычно и делалось в исторической литературе, это значит сказать очень немного. Составитель первой печатной книги по русской истории критически подошел к своему главному источнику. Он не ограничился переводом, но выбрал из него то, что ему было нужно, исключая подробности, решительно сокращая баснословия и рассуждения Стрыйковского. Интересно отметить, что автор «Синопсиса» сократил «Хронику» примерно в два раза (речь идет только о тех частях, где излагаются события русской истории). Если проследить за тем, что́ сокращал «Синопсис», то легко убедиться в преднамеренности сокращений. Он сокращал описания междоусобиц русских князей, о «rosterkah» которых охотно сообщал Стрыйковский. Драматические события борьбы Ярослава со Святополком, красочно изложенные в летописи и развернутые в «Хронике» на четырех страницах, в «Синопсисе» даны совсем кратко.[41] Такое же стремление к сокращению находим при описании княжения Святополка Изяславича, данном всего на́ двух страничках, тогда как у Стрыйковского читаем целое повествование.[42] Сокращено описание борьбы с половцами[43] и т. д. За сообщением о смерти Владимира Мономаха автор «Синопсиса» добавил по сравнению со Стрыйковским: «самодержавие Российское разделися».[44] После этого изложение событий становится все более и более скупым, сокращаясь до простого перечня князей с указанием хронологических рамок их правления и добавлением некоторых, главным образом церковных, подробностей.[45] Достаточно сказать, что время после Владимира Мономаха до татаро-монголов заняло только 25 небольших страниц. На основании этого можно считать, что автора «Синопсиса» интересовала по преимуществу единая древняя Русь.

Автор «Синопсиса» придерживался не только метода «творческого вычитания», т. е. сокращения в русском переводе Стрыйковского, но постоянно, систематически проверял, дополнял и корректировал свидетельства польской хроники русскими летописями. Он часто приводил параллельно отечественные и иностранные источники, вынося их на суд читателя. В этом отношении интересны те места «Синопсиса», где изложены спорные вопросы, различно освещаемые или датируемые в источниках и литературе. Например, кто крестил Ольгу — император Иоанн Цимиский или Константин; когда крестился Владимир; обстоятельства смерти Святополка; о междоусобиях сыновей Ярослава и др.[46] Обращает внимание также пространное рассуждение автора в статье «О сем откуду Российские самодержцы венец царский на себе носити начаша», т. е. о царских регалиях, и прежде всего о так называемой шапке Мономаха. Здесь при-

---

[40] Ср. «Синопсис» с Густынской летописью: соответственно стр. 31 и 243, 42 и 248, 47 и 257, 74 и 253 и др. Из нее же взята, например, статья «об идолах», о крещении Руси до Владимира I и др.

[41] Стрыйковский, стр. 154—158; «Синопсис», стр. 87.

[42] Стрыйковский, стр. 173—182; «Синопсис», стр. 96—98.

[43] Стрыйковский, стр. 173—174, а в «Синопсисе» две строчки (стр. 96).

[44] «Синопсис», стр. 103.

[45] Там же, стр. 110—112; Стрыйковский, стр. 197 и сл.

[46] «Синопсис», стр. 36, 68; ср. Стрыйковский, стр. 120, 131; ср. также соответственно стр. 87 и 158, 93—94 и 170.

ведена версия позднейших летописей, одну из которых автор несправедливо считает «древней», а также мнения Стрыйковского, Барония и др. Сам автор «Синопсиса» полагал «по счислению лет», что «венец царский с прочими знамении и дарами» Владимир Мономах получил от Алексея Комнина. Об этом, заметим, рассуждала также и Густынская летопись.[47]

Для автора «Синопсиса» еще нет различия между источником и литературой вопроса. Поэтому древняя русская летопись, Стрыйковский или Бароний в равной степени являлись для него источником исторической информации. Где русские летописи молчат, там он охотно возвращался к Стрыйковскому: к примеру, «Синопсис» заимствовал сообщение о русских князьях, бывших у славян после смерти Кия, Щека и Хорива. Нужно сказать, к чести Стрыйковского и автора «Синопсиса», что, хотя это известие и не подтверждается летописями, но оно и не противоречит исторической достоверности. Убеждение о древности истории славян, начавшейся задолго до варяжских князей, нашло выражение в этом смелом предположении. Догадка авторов XVI—XVII вв., которую многие объявляли бреднями средневековых хронистов, не отрицается наукой нашего времени.

Для того чтобы ответить на вопрос, что собой представляет «Синопсис» в историографическом смысле, необходимо продолжить сравнение его с «Хроникой» М. Стрыйковского. Обращает внимание то, что Стрыйковский часто ближе и последовательнее в изложении к русским летописям, чем «Синопсис». В этом нет ничего удивительного. Автор последнего не пытался копировать польскую хронику или перевести русские летописи на современный язык. Он пользовался Стрыйковским и летописями с целью обеспечить такой подбор исторических фактов, который нужен для обоснования необходимости воссоединения двух славянских народов. Для этого автор «Синопсиса» развивает идею исторической преемственности самодержавной власти в России, усиливая ее по сравнению с летописями московской поры (общерусскими летописными сводами) и Стрыйковским. Так, например, в «Хронике» Аскольд и Дир — потомки Кия — правят на юге. В «Синопсисе» сложнее. Как и в летописи, Аскольд и Дир идут из Новгорода на юг с согласия Рюрика. Но автор «Синопсиса» тенденциозно скомпилировал известия Стрыйковского и Повести временных лет, в результате чего Аскольд и Дир, хотя и потомки Кия, но пришли в Киев с севера, с согласия Рюрика. Сообщение летописи о неудачном походе Аскольда и Дира на Константинополь перенесено в рассказ о походе Олега на Киев. Олег, услышав, «яко Оскольд и Дир, ходившие к Царю граду войною, возвратилися в Киев посрамленны в малой дружине», отправился на юг, и т. д., как обычно.[48] Таким образом, поражение киевских князей явилось для «Синопсиса» еще одним доводом в пользу «законной» династии Рюриковичей.

В понимании легенды о призвании варяжских князей «Синопсис» шел за Стрыйковским, который в свою очередь следовал позднейшим русским летописям. Если первым норманистом, как заметил А. А. Шахматов, был Нестор, то первыми, пусть еще робкими и непоследовательными, критиками норманизма явились московские летописцы. Мысль о стародавних славянских князьях, возникшая в начале русского летописания,[49] была

---

[47] «Синопсис», стр. 99—103; ПСРЛ, т. II, стр. 290.

[48] «Синопсис», стр. 28; ср.: Стрыйковский, стр. 115, где это только намечено.

[49] Б. А. Рыбаков. Начало Русского государства. — Вестник МГУ, 1955, № 4—5, стр. 57—77. Автор этой интересной работы убедительно показал ту борьбу, которая происходила на заре нашего летописания между отечественной и «норманской» тенденциями в вопросе об образовании древнерусского государства.

усилена в период образования русского централизованного государства, в период зарождения и развития национального самосознания у славян Восточной Европы. Национальная, отечественная традиция представляла историю княжеской, а затем самодержавной власти в России примерно так. Вначале славянские князья правили на юге и севере. В Киеве правили Кий и его братья, затем их потомки, имена которых нам неизвестны. На Аскольде и Дире местная династия на юге закончилась. В Новгороде — россы (славяне) «от самих себя в князя избраша» Гостомысла, «мужа нарочита». Но, несмотря на избрание князя, междоусобия не прекращались. «Российстие народы» продолжали оставаться «в великом междоусобии и нестроении», так как не могли договориться об «избрании от самих себя властелина». (Заметим, кстати, что эта подробность — новое в «Синопсисе»).[50] Только потом, как и в летописи, Гостомысл советовал послать к варягам и пр. Важно и интересно не это. Варяги, по «Синопсису», — народ «языка славянского».[51] Рюрик, Трувор и Синеус не только были приняты добровольно «от всех россов с великой радостью и благодарствием». Они приняли уже сложившееся государство: «государство Русское добровольно от народа добровольного поданое», как сказано в тексте «Синопсиса». Не варяги принесли государственность славянам; напротив, варяги получили готовое государство от славян же, получили в целях прекращения «междоусобиц и нестроения». В этом смысл национальной теории образования древнерусского государства. Таков главный исторический и политический вывод «Синопсиса».[52]

Идея добровольного призвания славянских князей (!) для управления сложившимся славянским государством не только свидетельствует о национальной традиции и феодально-монархических взглядах автора, но и является своеобразной исторической декларацией о добровольности воссоединения Украины с Россией.

Казалось бы мысль о добровольной передаче сложившейся славянской государственности пришельцам (пусть даже славянам!) мало оригинальна, если принять во внимание хотя бы то, что приведенные выше слова («государство русское добровольно от народа добровольного поданое»), есть дословный перевод соответствующего места Стрыйковского («. . . panstwo Ruskie dobrowolnie od ludu wolnego podane»).[53] Но нужно учитывать существенно новое. Политическая теория панской республики с выборностью короля и шляхетскими вольностями в условиях борьбы за воссоединение Украины с Россией означала другое: она исторически обосновывала добровольность воссоединения общих по происхождению и историческим судьбам двух дружественных славянских народов Восточной Европы. Поэтому идея «Синопсиса» о добровольности воссоединения отвечала интересам Москвы и Киева, правящих кругов Русского государства и верхов украинского общества, русского и украинского народов. Отсюда исключительная популярность первой печатной книги по русской истории.

Историческую необходимость воссоединения Украины с Россией автор «Синопсиса» обосновывал не только родством и близостью «российских народов», под которыми он разумел всех славян, входивших в состав Древней Руси. Воссоединение для него — это восстановление былого государственного единства, понимаемого как восстановление единой, т. е. монархической власти. Действительно, продолжая сравнение «Синопсиса»

---

[50] «Синопсис», стр. 25.
[51] В Густынской летописи этого нет.
[52] «Синопсис», стр. 26.
[53] Стрыйковский, стр. 114.

с его основными источниками — Стрыйковским и Густынской летописью, следует обратить внимание на откровенно монархические взгляды автора, стремящегося во что бы то ни стало преувеличить и приукрасить заслуги князей, оправдать всех их без исключения.[54] Идеализация монархизма, порой переходящая в заведомую фальсификацию, характерна для «Синопсиса». Это видно во всем: от подробностей и до главного. Например, Ольга не ключница, а правнучка Гостомысла; она не упрекает Святослава, покинувшего ее; пропущена мотивировка отказа Рогнеды на предложение Владимира; Святополк не совершал никаких злодейств, а представлен как князь «благоверный». Известный ответ Владимира магометанским послам передан иначе, чем в летописи: «не можем мы пребыти без вина, понеже в Россиянах все веселие и приятельство в подпитии бывает».[55] Все отрицательные черты в жизни Владимира-язычника «Синопсис» объяснял только тем, что «во тьме идолослужения бысть». Но когда «небесным светом крещения святого просветился, в разум истины пришед, тогда сицевых богомерзостей сам гнушашеся и прочим творити я возбраняша».[56]

В свою очередь отрицательные персонажи летописи в «Синопсисе» еще более заострены. В этом смысле примечательна характеристика Блуда. Яркий летописный рассказ о княжеском воеводе, изменившем своему господину, дорисован с большой выразительностью. Блуд — это изменник «именем и вещью», враг и изменник своего государя, тогда как у Стрыйковского он «наивиднейший пан радный».[57]

В рассказе о взятии Киева войсками Андрея Боголюбского ничего не говорится о разграблении города. На данном эпизоде, убедительно показывающем, как автор «Синопсиса» обрабатывал свои материлаы, несколько остановимся. Ипатьевская летопись, например, освещает это событие в духе, благоприятном для Северо-Восточной Руси: «поможе бог Андреевичу Мстиславу с братиею, и взяша Киев».[58] Густынская летопись оценивает взятие Киева войсками северо-восточной коалиции русских князей несколько по-иному. Описав разграбление Киева с реалистическими подробностями, летопись сделала вывод о падении киевского княжения и установлении власти московских князей над киевскими: «. . . паде княжение Киевское, а Володимирское в Москве вознесеся, оттоли бо Московские князи над Киевскими начаша владети».[59] В «Синопсисе» не только обойдено молчанием разграбление Киева, но воздана пространная похвала Андрею Боголюбскому, в которой он назван великим князем «всея Российския земли».[60]

Не ставя перед собой задачу подробного описания древнерусской истории, напротив, стремясь к краткому и популярному изложению, автору «Синопсиса» было легко опустить неприятные для национального самолюбия подробности и дополнить в патриотических видах выпущенное Стрыйковским. Говоря о войнах, например, с греками, где «Синопсис» вообще

---

[54] «Синопсис», стр. 31; Стрыйковский, стр. 117, 40 и 121; ср также соответственно стр. 45 и 124, 96 и 173, 114 и 202.

[55] «Синопсис», стр. 60. У Стрыйковского (стр. 128) нет даже летописного ответа: «веселие Руси пити не можем без этого быти». В. Н. Татищев в той рукописи, о которой А. А. Шахматов говорил, что в ней «ничего изобретенного самим Татищевым не найдется», изменил текст: «руссом есть в веселие и здравие от пития с разумом пиемого». Зависимость татищевского текста от «Синопсиса» очевидна.

[56] «Синопсис», стр. 54. Конечно, у Стрыйковского и летописи этого нет. Обращает внимание то, что «Синопсис», самостоятельно дополняя свои источники, архаизирует язык, видимо, «достоверности для», что было характерно и для XVIII в.

[57] «Синопсис», стр. 45; Стрыйковский, стр. 124.

[58] ПСРЛ, т. II, стр. 100.

[59] ПСРЛ, т. II, стр. 311.

[60] ПСРЛ, т. II, стр. 114—115.

немногословен, он позволил серьезные изменения в изложении и толковании событий. Поход Олега на Константинополь в 907 г. «Синопсис» изложил ближе к летописному источнику, чем Стрыйковский, у которого описание его дано бледно. Хотя польский хронист рассказал о знаменитом щите, который он мол сам видел в Константинополе в 1575 г., но умолчал о размерах дани, о чем говорит «Синопсис».[61] Далее, «Синопсис» не сообщил о неудачном походе Игоря на Царьград.[62] Он ничего не сказал о поражении Святослава в войне с греками, кстати, в этом случае, как и Стрыйковский.[63] Следуя в основном в описании подвигов Святослава за Стрыйковским, «Синопсис», возвеличивая его как полководца, слова «Хроники» «roskoszniych Greków snadnie bijal» решительно обобщил: «роскошных и ленивых всяких народов побеждаше»,[64] отбросив заодно антигреческий выпад Стрыйковского.

Слова Н. А. Добролюбова о «Записках касательно Российской истории», составленных Екатериной II с помощью целой коллегии ученых («. . . автор умел набросить на все темные явления русской жизни и истории какой-то светлый, отрадный колорит»),[65] целиком применимы к составителю «Синопсиса». Только раз он вынужден был отступить от принятой практики поголовной реабилитации князей. Речь идет об Игоре. В ответе древлян, объясняющих, почему они убили киевского князя, изменено и добавлено против летописи: «яко он не бысть милосерд к нам не аки государь с подданными».[66] Но вряд ли из этой реплики можно делать далеко идущие выводы. Скорее всего автор «Синопсиса», отражая интересы украинской верхушки, этим историческим примером хотел подсказать царскому правительству, что ему необходимо считаться с интересами новых подданных, уважать права и привилегии церкви и пр.

Общественно-политические взгляды автора «Синопсиса», как и любого историка, лучше всего проследить по его отношению к народным движениям. Освободительную борьбу украинского народа, как мы знаем, он не описал. Но спрашивается, как он отнесся к движениям далекого прошлого, например к киевским событиям 1068 и 1113 гг.? Оказывается, об этих крупных восстаниях народных масс в столице древней Руси, судьбой которой автор «Синопсиса» особо интересовался, он говорит донельзя лаконично. Восстание в Киеве 1068 г. «Синопсис» свел к недовольству киевских и полоцких бояр великим князем Изяславом, не пожелавшим освободить из заключения полоцкого князя Вышеслава. В результате бояре «восташа на него вси».[67] О народном характере движения ни слова. Симпатии автора всецело на стороне законного князя — старшего Ярославича. Даже обращение Изяслава к польскому королю Болеславу, с помощью войск которого он вновь сел на престол, автор не порицает.[68] Напротив, в изложении событий 1068 г. автор «Синопсиса» сознательно отступил от летописи и последовал за Стрыйковским, который в своем тенденциозном объяснении народных движений был ближе к нему, чем древняя русская летопись с ее достаточно реалистическим изображением восстания.[69]

---

[61] Стрыйковский, стр. 116; «Синопсис», стр. 29.
[62] «Синопсис», стр. 31; Стрыйковский, стр. 117.
[63] «Синопсис», стр. 42; Стрыйковский, 123.
[64] «Синопсис», стр. 39; Стрыйковский, 121.
[65] Н. А. Добролюбов, Собрание сочинений в трех томах, т. I, М., 1950, стр. 22.
[66] «Синопсис», стр. 34. У Стрыйковского этого нет (см. стр. 119).
[67] «Синопсис», стр. 90—91; Стрыйковский, стр. 163.
[68] «Синопсис», стр. 91.
[69] В Густынской летописи события изложены по Повести временных лет (см.: ПСРЛ, т. II, стр. 271).

Что касается событий 1113 г. в Киеве, то автор «Синопсиса» вообще ничего не сказал об этом восстании. Он его просто-напросто опустил. Имея летопись Нестора, нельзя было не заметить восстания. В этом случае он отказался не только от текста русской летописи, но и от своего основного источника — Стрыйковского. В хронике польского автора народное восстание 1113 г. представлено как: «rosruch wieliki w Kijowie od ryzerstwa i żolnierow», аналогичный бунту янычар в Турции.[70] В «Синопсисе» весь рассказ 1113 г. сведен к следующему: Владимир Мономах был «умолен от всех» стать киевским князем и только.[71] Итак, идея украинской государственности, за которую в середине XVII в. боролись Богдан Хмельницкий и другие лучшие люди украинского народа, нашла свое отражение в историческом памятнике украинской общественно-политической мысли, в первой печатной книге по русской истории — «Синопсисе».

Центральной темой этого произведения явилась идея самодержавия в России, необходимость и закономерность которого автор обосновывал исторически. Общность происхождения славянских народов Восточной Европы, русского и украинского, ведет к общности центральной государственной власти, необходимости воссоединения славянских народов в рамках единого самодержавного государства — таков, как известно, ход мыслей «Синопсиса». Но наряду с возвеличиванием русского самодержавия автор «Синопсиса» проводил другую идею — идею украинской государственности.

В представлении автора история самодержавия в России неразрывно связана с Киевом. «Преславное самодержавие Киевское» началось с Владимира I. Киев — это «первоначальный всея России царственный град».[72] Родина самодержавной власти в России — Киев. В особой статье «О превращении великого княжения Киевского в воеводство» автор объяснял, почему киевское самодержавие «от царствия в княжение, а от княжения в воеводство пременися».[73] Все, согласно традиционной богословской схеме, произошло от бога: «грех ради человеческих».[74] Но наряду с этим теологическим толкованием автор, излагая события и факты, дал им и реальное объяснение. В его представлении ряд причин низвел «всея России стольны» град Киев на положение воеводства. Это — татаро-монгольское разорение, которое «все государство Киевское ни во что обратиша»; затем взятие Киева литовским князем Гедимином, покончившим с «самодержавием Киевским». С 1569 г. — года Люблинской унии — Киев окончательно перешел под власть Польши. Таким образом, татаро-монгольское нашествие, затем литовско-польское наступление — таково объяснение внешних причин упадка Киева. Княжеские распри — внутренняя причина. Как видно, автор наряду с теологическим объяснением систематически обращается к реальному толкованию событий, так как первая точка зрения ничего не дает и не раскрывает.

Итак, к какому типу исторических произведений надо отнести «Синопсис» — к летописному или нелетописному? Как известно, летопись является не только сводом источников, но и сводом идей, хотя феодальный харак-

---

[70] Стрыйковский, стр. 182.

[71] «Синопсис», стр. 98. Фальсификация событий 1113 г., идущая по крайней мере от Стрыйковского и «Синопсиса», продолжалась в XVIII в. В. Н. Татищев в «Истории Российской» (т. II, М., 1773, стр. 211) говорит об избрании Владимира Мономаха у церкви святой Софии. Б. Д. Греков (Киевская Русь. М.—Л., 1944, стр. 297) принял это предположение Татищева как исторический факт.

[72] «Синопсис», стр. 204.

[73] Там же, стр. 202—203.

[74] Там же, стр. 202.

тер идеологии летописи оставался, конечно, как правило, господствующим на протяжении всего летописного периода русского летописания XI—XVI вв. За это время летописная форма изложения способствовала собиранию и накоплению исторических фактов и знаний. Летопись как свод до поры до времени поэтому была незаменима. Летопись была не только наполнена большим количеством фактов, но в огромных сводах XVI в. перегружена ими. В связи с усложнением условий общественной жизни, с новыми явлениями в социально-экономической и культурной жизни страны, когда подготовлялись предпосылки для превращения исторических знаний в науку, когда на место теологического объяснения требовалось установление причинности, летопись с ее погодной формой изложения уже не удовлетворяла возросших запросов. Становилось все более и более ощутимым, что факты, взятые сами по себе, факты без идей — «сор для голов и памяти» (как писал в свое время В. Г. Белинский).[75] В XVII в. исторические произведения приобретают еще большую политическую заостренность и злободневность. Если Повесть временных лет являлась сводом источников и идей своего времени, включая наряду с феодальной идеологией и народный эпос, то «Синопсис», несмотря на заведомую компилятивность, таким сводом уже не был и являться не мог. «Синопсис» — это уже не летопись, но еще и не история.

Редакционная работа автора «Синопсиса», которую он проделал над своими источниками, настолько велика и отлична от редакторских приемов летописания, что ее скорее нужно приравнять к работе историка, чем летописца. Однако составитель «Синопсиса» во многом поступал как летописец: он сводил, компилировал источники, часто оставляя их без анализа и проверки. Но дело не только в формальном отличии приемов написания произведения. Дело в другом: насколько научное мировоззрение вытеснило религиозное, насколько закономерность в объяснении исторических событий и фактов брала верх над телеологическим пониманием истории. Автор «Синопсиса» — церковник. Его идеология феодально-монархическая, религиозная. Но, продолжая верить в бога, по-прежнему объясняя действия людей божественным промыслом, он не был чужд известного понимания закономерности, конечно в идеалистическом смысле.

В важном вопросе о начале древнерусского государства, всегда злободневном в науке, автор стихийно встал, как мы видели выше, на путь признания самостоятельного происхождения государственности на юге и севере, в Киеве и Новгороде. Государство, точнее княжеская власть, не привнесена извне, а возникла в результате внутренней необходимости. Как понимал ее автор «Синопсиса»? Уже первые славянские князья создают на юге «грады и места ради тишайшего жития и прибежища». Позднее княжеская власть являлась для «российских народов» организацией порядка в «великом междоусобии и многом настроении».

Отрицать элементы научности у автора первой печатной книги по русской истории, думается, неверно. Это значит не видеть того нового, что пробивало себе дорогу сквозь старую средневековую идеологию и летописную форму повествования.

Элементы научности также видны в критическом подходе к отечественным и иностранным источникам. Правда, автор не всегда уточнял свою точку зрения, часто ограничиваясь простым воспроизведением различных мнений и версий, но сам принцип постоянного и систематического сопоставления и проверки источников и литературы уводил его далеко от летописной манеры работы. Даже умолчания и тенденциозность, ведущие часто

---

[75] В. Г. Белинский, Полное собрание сочинений, т. XII, М., 1926, стр. 453.

к искажению исторической правды, далеко выходили за пределы летописной традиции. Но в итоге нужно признать, что «Синопсис» все еще достаточно далек от науки. Он был промежуточным, переходным типом между летописью и историей в прямом смысле этого слова. Появление «Синопсиса» способствовало превращению знаний в науку. Первый опыт печатного изложения древней русской истории имел большое значение для распространения и развития исторических знаний в России в XVII—XVIII вв. Его популярность объяснялась доступностью изложения, кратким, но сравнительно верным пересказом летописных источников, определенной патриотической и социальной направленностью.

* *
*

Первая печатная книга по русской истории «Синопсис» была издана в свет с согласия русского правительства. Идейное содержание этого произведения таково, что его можно считать произведением русской и украинской историографии.

«Синопсис» свидетельствует об известной близости русской и украинской исторической мысли с польской историографией. Напомним, что Стрыйковский, использовавший для краткого очерка истории Восточной Европы русские летописи, явился в свою очередь одним из главных источников для украинского автора «Синопсиса». Густынская летопись — другой источник «Синопсиса» — со своей широтой в освещении событий Восточной Европы явилась основой для сближения русской и украинской историографии и источником, поверяющим показания польской «Хроники» Матвея Стрыйковского.

Первая печатная книга по русской истории «Синопсис» исторически обосновывала необходимость воссоединения Украины с Россией двумя обстоятельствами: родством украинского и русского народов, которые рассматривались как «российские народы», и единством самодержавной власти в России. Автор «Синопсиса» считал воссоединение Украины с Россией законным восстановлением единой государственной власти, сложившейся еще в период древней Руси над всеми «российскими народами». Одновременно автор «Синопсиса» отстаивал идею украинской государственности, объявляя родиной самодержавной власти в России Киев, куда в его время начало возвращаться «царственное бытие».